

«Юлька никогда не видела своего отца. Он ушёл в сорок первым и не вернулся...» — так начала я свой новый рассказ.

Описать историю своей семьи, начиная с тех времён, когда Россией правили ещё цари-батюшки, собиралась давно. Но всё никак не доходили руки. Хотя замахнуться хотелось на целый роман. «Но, видно, не царское это дело — писать романы», — подтрунивала я над собой, раздумывая над очередным сюжетом. А сюжеты будущих рассказов ни с того ни с сего всплывали вдруг в голове и не давали жить спокойно и умиротворённо, как живут мои ровесницы-подруги, глубоко пожилые женщины на восьмом десятке лет. Садилась тогда за компьютер, иногда среди ночи, когда за окнами не светило ни одного огонька, и погружалась в мир своих воспоминаний. Писала для себя, написанное складывала стопочкой на отдельной полке книжного шкафа. Сколько ни уговаривали друзья, сравнивающие мой стиль, душевность описания характеров героев ни много ни мало как с писателем Константином Паустовским, в печать ничего не отдавала.

В мае, когда уже были собраны вещи, сняты с подоконников ящики с рассадой помидоров, чтобы с утра на целых пять месяцев переехать со всем этим хозяйством на дачу, распрощавшись с шумным, пыльным городом, в руки мне попал небольшой журнальчик. С красивым названием «На енисейской волне — 2019». Раскрыла наугад — оказалась сорок седьмая страница. Стихотворение Мастерины Стихотворовой:

Был независим человек

Ещё в двадцатом, прошлом веке,

Всё потому, что «Чук и Гек»
Он в школьной брал библиотеке.
Всё потому, что образцом
Был Пантелеев, подвиг, слово...

«О, какие слова! Это же моё детство, мои мысли, наше пионерское воспитание, Аркадий Гайдар, Леонид Пантелеев!» — мысли, обгоняя друг друга, пронеслись в голове. Вспомнила, как, учась в седьмом классе, написала Леониду Пантелееву письмо, в котором с наивной детскостью спрашивала автора, жив ли Лёнька, главный герой его повести «Лёнька Пантелеев». И писатель ответил той четырнадцатилетней девчужке, а в конце письма приписал: «Моя дорогая Люсенька, попробуй написать что-нибудь сама...»

К тому времени я уже пробовала что-то писать. Помню, шёл тогда 1953 год. Смерть Сталина. Не забыть никогда, как плакали в школе все: учителя, завхоз баба Груня, колокольчик которой, сигнализирующий о конце и начале урока, в те дни звучал по-особому — приглушённо и скорбно. С красными глазами ходили даже самые хулиганистые мальчишки, не говоря уж о нас, девчонках, не скрывающих своих слёз. И вот тогда я написала своё первое в жизни стихотворение:

Умер Сталин. Сиротами стали
Ты, и я, и родные поля,
Даже снег по-иному стал таять —
Видно, плачет под ним вся Земля.
Я сегодня, как все пионеры,
Дала клятву по-сталински жить,
Всегда и во всём быть первой
И Родине честно служить.

Снова глянула на стихотворение Мастерина: «Да мы же с этой незнакомой мне женщиной — люди одной крови!» И тепло разлилось по сердцу. Начала смотреть рассказы. Нравились не все, но некоторые заставили восхититься. И вдруг мой взгляд остановился на строчке: «Конкурсы 2019 года закончились. Ждём заявок на год 2020-й! Сергей Кузичкин, председатель жюри, главный редактор альманаха „Новый Енисейский литератор“».

«А почему бы и мне не отбросить излишнюю свою неуверенность в себе и не отправить заявку на участие в будущем конкурсе? Почему бы не взбудоражить себя хоть какой-то каплей молодого адреналина, который, возможно, скрасит мои годы, давно уже начавшие свой обратный отсчёт?» Понимала, что авантюрное начало в этой затее есть. Куда ей, глубоко пожилой женщине, до острых на выдумку молодых людей, москвичей, петербуржцев, что украшают своими произведениями этот сибирский альманах? А у неё и память уже не та. Что было давно, на удивление, помнит, а вот что случилось вчера, не всегда... Хотя в детстве и юности она обожала всевозможные конкурсы, соревнования, помнит благодарности, нехитрые в то послевоенное время призы, помнит красную финишную ленточку, разрываемую своей грудью на обычно последней стометровке, которую тренер всегда доверял ей... И наконец решилась. Научившись года два назад пользоваться Интернетом, отправила рассказ по почте. Не сразу забыла о нём. Но вскоре дачные дела, пандемия вируса, навалившаяся на человечество, переживания за сына и внука — врачей, которые оказались в непосредственной близости от этой заразы, направили мысли в другое русло. Больше переживала за внука-пятикурсника: он с самого начала пандемии работал в «красной зоне» борьбы с этим проклятым вирусом.

Правда, иногда, особенно по ночам, вдруг вспоминала, что какие-то моменты в своём рассказе упустила... С запозданием пришла мысль написать, как однажды, в десятилетнем возрасте, среди ночи меня разбудил чей-то голос. Сначала не поняла: или продолжается сон, или наяву, в соседней комнате, среди кромешной тьмы с кем-то разговаривает моя мама. Прислушалась: да, это она.

Вспоминаю те минуты из своего детства. Я осторожно встала, стараясь не наступить на третью от кровати половицу, которая могла предательски заскрипеть, на цыпочках подошла к полуоткрытой двери. И сразу поняла: мама разговаривает со своим мужем, пропавшим без вести: «...Может, ты в плену, может, потерял память, или без рук или ног, — мы любого тебя примем, только дай знать, где находишься. Ты так и не успел обрадоваться, что у тебя родилось такое

чудо, наша дочка. Назвала её Людмилой, Милой. Она вся в тебя. Даже картавит слегка; так же, как ты, ведёт дневник, рисует как ты. Иногда я думаю, что в образе нашей малышки ты вернулся ко мне, дорогой мой Васенька... И никто никогда не займёт твоё место рядом со мной. Я буду ждать тебя... всегда... всегда...» — по приглушённым звукам я поняла, что мама плачет, укрывшись подушкой. Так же осторожно, перешагнув опасную половицу, легла. Но почти до утра уснуть не смогла. Потом, став взрослой, много раз ругала себя за то, что не подошла к маме, не обняла её, не прилегла рядом, не сказала нужные в тот момент слова.

Пролетело, как один день, в заботах и хлопотах дачное лето. Отшелестела своими нарядами и золотыми коврами красавица — проказница-осень, а в конце ноября единовластной хозяйкой вступила в свои права зима. Снег шёл всю ночь. В свете фонаря на фоне тёмного неба мерцали тысячами звёздочек снежинки, замысловатые траектории которых, как в броуновском движении, то закручивались спиралями, то вновь взмывали вверх, в небо. А когда утром я встала и подошла к окну, не узнала свой двор: снегом было покрыто всё вокруг — детская площадка, деревья; на проводах повисла, словно сплетённая человеческими руками, нежная, слегка покачивающаяся от слабого дуновения ветерка белоснежная бахрома. Вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд: отёрнула штору — прямо передо мной стоял, словно живой, ангел. Не видя никогда даже на картинах это божественное создание, сразу поняла: да, это именно ангел. Ноги его опирались о землю, одна рука и голова обращены в моё окно. А за спиной — два крыла! «Не сплю ли я?» — ошарашила мысль. Но она тут же ускользнула, поскольку моё внимание переключилось на вышедшую из подъезда соседку с третьего этажа, которая, держа за руку своего внука Николку, закутанного совсем по-зимнему, остановилась, всплеснув руками, около «моего» ангела. Надежда Павловна заметила меня. Сделала знак, который я расценила как «открой окно». Приоткрыла.

— Видишь? Это же ангел!

— Надежда, я тоже смотрю уже минут десять на это чудо природы.

— Для кого-то, может, и природа, а вот для меня — нет. Смотри, он смотрит прямо в твоё окно. Он же вестник, проводник от Того, — она подняла палец в небо, — без ведома которого не упадёт ни один волос с твоей головы. Вот умереть мне на этом самом месте, если ты не получишь прямо сегодня какое-нибудь известие. И, наверное, приятное. Мне моя бабушка, царствие ей небесное, рассказывала про подобные случаи. Ладно, повела я внука в стоматологию, давай охраняй своего ангелочка: не просто так он к тебе прилетел, — и соседка засемила к внуку, который, отбежав от своей бабушки, уже пристроился к заснеженному кузову чьей-то машины, рисуя на нём улыбающиеся рожицы.

Каюсь, я с прошлым своим пионерско-атеистическим воспитанием ни одному слову соседки не поверила: подумаешь, всего-навсего это кустик сирени под моим окном, засыпанный так витиевато снегом. А оказалось, зря не поверила. Где-то после обеда, когда на город уже легли ранние зимние сумерки, на телефон пришло сообщение. Писал главный редактор журнала, в который я отправила свой рассказ: «Людмила, вы не могли бы подъехать в библиотеку имени Светлова? Я должен передать вам, как участнику, только что вышедший сборник конкурсных рассказов авторов, пришедших свои произведения на наш конкурс». — «Спасибо, конечно, подъеду, это совсем недалеко от меня». — «Тогда от двенадцати до часу в воскресенье я буду вас ждать».

«Вот и весточка, — подумала я, предвкушая в скором времени увидеть свой рассказик, напечатанный рядом с другими известными литераторами в таком же известном на всю Сибирь журнале, — спасибо тебе, мой ангелочек!» Подошла к окну. Ангел, никем не нарушенный и даже увеличившийся в размерах, всё так же смотрел на меня.

В воскресенье, опасаясь опоздать из-за возможных пробок на дороге, я вышла из дому с временным запасом. Настроение было отличное, светило ничем не омрачённое солнышко, хотя морозец уже по-зимнему начал пощипывать щёки. И вдруг мне захотелось подшутить. Я иду в эту библиотеку впервые, примерное направление знаю, адрес — тоже, но конкретное расположение моего пункта назначения — не совсем. Сейчас я попытаюсь, как Вицин в три часа

ночи в образе Труса из фильма «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика», спрашивать прохожих: «А вы не подскажете, как пройти в библиотеку?» Помнится, тогда над этой фразой хохотали зрители всего Советского Союза.

Первыми попались идущие навстречу две молодые женщины. Задаю свою сакраментальную фразу в ожидании их реакции. А реакции — никакой. Пожав плечами, не удостоив меня вниманием, пошли дальше. То же самое произошло и со вторыми, и с третьими прохожими. Мне вдруг стало тоскливо: вспомнила, как раньше мы считали библиотеку центром нашей вселенной, с каким вдохновением, стоя у стеллажей с книгами, выбирали их, предвкушая счастливые минуты, когда, прибежав домой, раскроем страницы, пахнувшие дурманящей душу типографской краской; если попадалась новая, не читанная никем книга, как чувствовали себя её первопроходцами. Видимо, не ходят сейчас люди в библиотеки. Грустно... Отчаявшись кого-либо развеселить своим вопросом, услышала сзади себя шаги. Оглянулась: ко мне приближался человек лет шестидесяти, интеллигентной внешности, с аккуратно подстриженной бородкой. В руках — рулон обоев. «Ладно, не буду больше надоедать людям. Тебе сколько лет, бабуля?» — мысленно обратилась я к себе. Но когда человек поравнялся со мной, вдруг неожиданно для себя у меня вырвалось: «Простите, вы не подскажете, как пройти в библиотеку?» Мужчина, переложив обои в другую руку, повернулся ко мне. И я вдруг увидела, что в ту же секунду в серых его глазах эдакими чертенятами вспыхнули искорки, а на худощавом, чисто выбритом лице заиграла улыбка, которую он даже не захотел скрывать.

— Вы серьёзно хотите знать, как пройти туда? — мужчина ждал ответа.

— Да, конечно, — я еле сдерживала себя, чтобы не рассмеяться.

Он, видимо, понял. А через пару секунд мы оба уже хохотали. Мимо нас проходили люди, с усмешкой поглядывая на двух пожилых смеющихся людей, думая, наверное, какие это счастливые люди. А я в этот момент действительно ощущала себя счастливой.

— Так библиотеку-то вам, наверное, и не надо? — просмеявшись, проговорил мужчина.

— А вы знаете, вообще-то надо, — и добавила, глядя в его улыбающиеся глаза: — Хотя ещё трёх часов ночи нет. У Гайдая она работала с трёх часов.

— Ой, не могу, вы меня веселите и веселите, — мужчина показал на здание из красного кирпича. — Обойдёте его слева и увидите свою библиотеку. Имени Светлова, — и вдруг прищурил один глаз. — А вы знаете, как звали Светлова?

— Знаю. Михаил. Советский поэт. Военный корреспондент.

— Ну и молоток вы! Я почему-то очень рад, а почему — сам не знаю...

— И вы — молоток! И я рада. За нас с вами. За наше поколение.

И мы расстались, на прощание пожав друг другу руки. Два пожилых, но, видно, молодых душой человека: одному за шестьдесят, другой — за семьдесят. Два «молотка».

В читальном зале библиотеки, на моё удивление, не оказалось ни одного читателя. Я пришла немного ранее назначенного времени, поэтому, не раздеваясь, села на диванчик в небольшой прихожей. И тут же ко мне подошёл Сергей Николаевич, главный редактор альманаха. Я его раньше никогда не видела, кроме как на фотографии в Интернете. В ту же секунду узнав, представилась.

— Проходите, Людмила. Раздевайтесь, — и он указал на рядом стоящую вешалку.

Удивилась. Зачем, думаю? Мне бы только получить конкурсный сборник — и домой. Но разделась. Прошли в читальный зал.

— А где остальные люди? — вопросительно взглянула на Сергея Николаевича.

— Никого больше не будет.

Я была в полном недоумении. Подошедшая сотрудница библиотеки почему-то, как показалось мне, многозначительно улыбнулась.

— Людмила Васильевна! Вы большинством голосов членов жюри признаны победителем конкурса короткого

рассказа нашего альманаха две тысячи двадцатого года. От души поздравляю вас! — и редактор протянул мне руку.

Что я была удивлена — это, значит, ничего не сказать. Просто онемела. В сумасшедшем волнении приняла диплом лауреата, два конкурсных сборника «На енисейской волне — 2020» и юбилейный номер «НЭЛ», а вдобавок — красивую поздравительную открытку. Помню, как сумбурно что-то говорила, благодарила, как фотографировались с главным редактором для нового номера журнала. Всё было словно в тумане. А потом сидели за фуршетным столиком, пили чай с изумительным шоколадным тортиком, разговаривали. Под конец, немного расслабившись, даже прочитала свои стихи. В тот момент я любила всех: и Сергея Николаевича, и Елену Николаевну, фотографировавшую нас, и эту библиотеку, и того мужчину с обоями. И даже себя...

Придя домой, сразу набросилась на чтение произведений авторов-конкурсантов. Какие стихи! Автор — Людмила Соснина из Республики Хакасия:

Погаснет алый луч, и синеокий вечер
Расстелет по земле таинственный туман.
И белый этот день закатится за Вечность
Так просто и легко, как мячик за диван...

Нет, так мне никогда не написать. Видно, поэтом надо родиться...

Открыла рассказы. А вот и мой, с названием «Глядя в небеса». Только начала читать, стараясь представить, что вижу рассказ впервые, вчитываясь со свежим, не замыленным взглядом, как зазвонил телефон. Звонил мой знакомый литератор, автор многих книг Иван Михайлец.

— Людмила, ты, я слышал, стала победительницей конкурса?

— Да. Но не единоличной, оказалось. Мы разделили первое место с ещё одной участницей из Московской области, Тamarой Арбатской.

— Но это дела не меняет. А денежный приз получила?

— Какой приз? Я впервые об этом слышу. Да это для меня и не главное. Главное — диплом, который я повешу на стенку, и право на бесплатные страницы в альманахе на две тысячи двадцать первый год.

— Ну уж не скажи. По условиям конкурса должен быть приз. Послушай меня, бывалого, и позвони Кузичкину, не скромничай, поняла?

Не хотела я никуда звонить. Не в моей это натуре. Если Сергей Николаевич забыл — он вспомнит сам. Если приз был вложен в один из журналов и я его случайно обронила, в библиотеке найдут и сообщат. Не найдут — так тому и быть. В чтении сборника прошёл весь вечер и начало ночи. Взволновал рассказ «Отцы и дети» Геннадия Гусаченко из Бердска. Автор не вошёл в число призёров, но если бы первую часть своего рассказа он ещё раз критически просмотрел, «причесал», привёл в спокойную последовательность свои мысли, я бы отдала ему своё первое место. А его рассказ в юбилейном номере «НЕЛ» «Реквием ре-минор» поверг меня просто в транс. Замечательный писатель. Сейчас я буду следить за его творчеством. С такой мыслью я и уснула.

А утром, ругая себя за свою непоследовательность и даже откуда-то взявшуюся наглость, всё-таки поинтересовалась у главного редактора относительно этого самого, чёрт бы его побрал, денежного приза, предположив, что, возможно, в условия конкурса 2020 года произошли какие-то изменения. Ответ пришёл незамедлительно, повергнув меня в такой стыд, что невозможно описать: «Ну Людмила Васильевна! Я же передал вам конверт. Вы его взяли. Посмотрите внимательно, может, он в одном из журналов, может, в карман положили. Если не найдёте, позвоним в библиотеку...» Я готова была сгореть со стыда. Начала извиняться, убеждать, что для меня это совсем не главное, главное в том, что мой рассказ оценили, тем более в конкурсе подобном я участвовала впервые. Но ощущала кожей, что на другой стороне сети находится человек расстроенный, переживающий за эту ситуацию. И опять ругала себя на чём свет стоит. Тем более вдруг вспомнила про ту красивую «открытку»...

Опять засигналил мой телефон. Читаю: «Я вспомнил: вы взяли конверт и опустили машинально в свою шапку, которая лежала рядом с журналами». О Боже, так это, оказывается, и был мой денежный приз, а никакая не открытка!

Стыд-то какой! И зачем я послушалась Михайлеца?.. Сидела бы сейчас спокойно и наслаждалась чтением рассказов и стихов. И человека бы не ввела в такое состояние. Бросилась в прихожую. Сдёрнула с вешалки свою непутёвую шапку. Хотя какая она непутёвая? Шапка как шапка, и ни в чём она не виновата. А вот хозяйка её... В шапке лежал мой приз, облачённый в красивый цветной конверт. И надпись: «Вскрыть при необходимости». Представила, как я, довольная, с дипломом лауреата конкурса, ехала в автобусе, шла домой с деньгами на пустой своей голове, подобно герою Юрия Никулина в фильме «Бриллиантовая рука». Это сравнение меня немного развеселило. Позвонила тут же Сергею Николаевичу. Он обрадовался:

— Слава Богу! А то я уже расстроился, — и добавил: — Это для нас с вами испытание. И сюжет для нового рассказа.

Подошла к окну. Удивилась: мой ангел всё так же стоял, не порушенный никем, и смотрел прямо мне в глаза, благословляя меня на новый рассказ. И я села за компьютер.

Но мой серафим продолжал работать. Новости для меня ещё не закончились. Они пришли, уже ближе к вечеру, из школьного музея города моего детства и косвенно касались последних пяти военных месяцев жизни моего отца, начиная с двадцать второго июня 1941 года. Оказывается, он пропал без вести под Ржевом, в ноябре, в ста пятидесяти километрах от Москвы. И в моей голове пронзительно застучали строки Александра Твардовского:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налёте.
Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме...

Спасибо тебе, мой белый ангел!